

Владислав Аркадьевич Зубченко родился в 1966 году в Оренбурге. Стихи начал писать в школьные годы. Учился в Оренбургском государственном педагогическом институте, более 20 лет отслужил в пожарной охране. Автор почти двухсот стихотворений, новелл и рассказов. В 2018 году вышло в свет его первое большое произведение – роман «Рождённые огнём», посвящённый работе российских пожарных. Своё творчество Владислав Зубченко рассматривает, в первую очередь, как средство общения между близкими по духу людьми. Живёт в Оренбурге.

НАСТРОЕНИЕ

БЕССОННИЦА

Нет, сны ничьи...
В скитаньях на ночлег,
как пилигримы без тепла и кровя,
лишь до утра останутся
и снова
пойдут в дорогу проживать
свой век...

Им не помочь,
их сводят дни на нет.
Их где-то ждут, спасая
от забвенья,
но не вернуть...
В чужие сновиденья
они придут, как полуночный
свет.

Они ничьи...
Их даже не понять,
их полушёпот тих, слова
невнятные...

Там мир не наш,
там все пути обратны,
но с ними лучше и теплее спать.

РАЗГОВОР О ДРУГЕ

Мой друг — его я почти теряю
среди майданов и тихих улиц,
охрипших криком или

молчаньем...

Мне очень надо, чтоб мы
вернулись.

Мой друг — всё время он где-то
рядом.

Не заживаю, не зарастаю...
Из нас обоих один угадан —
он одиночка, рождённый в стае.

Заблудший отпрыск, идущий
мимо
среди таких же, но непохожий.
Он просто выбрал другое имя —
я ощущаю его всей кожей.

Найду — пусть поздно,
склонюсь над телом...
С последней каплей, с последним
вздохом
пусть он поверит, что был
бессмертен,
одним, но всё же не одиноким.

БЛИЗНЕЦ

Мы с ним с детства слишком
похожи,
тот же голос, и та же стрижка,
часто путали нас, но всё же
мы с ним разные, так уж вышло...

Он упрямей меня и злее,
он с попутным не ладит ветром...
Он у сердца осколки греет
разлетевшихся звёзд, чтоб где-то

зажигать их на небе снова,
потому что кому-то нужно
отыскать в темноте другого,
потому что теплее в стужу...

Если мир говорит стихами
о простом и о самом важном...
Мы с ним разными временами
проживаем, как будто дважды.

Он, конечно, не понят мною,
и хотя мы чужие слишком,
я веду его за собою...
Или он меня — так уж вышло.

КУРИТЬ

Мы закурим одну,
как всегда, на двоих сигарету.
Задымим, как когда-то,
за углом, там, где только свои...
Мы привычки сменили —
храним лишь одну только эту...
Ты ведь знаешь, что детство
остаётся одно на двоих.
Помнишь, как не хотелось
нам за полночь с тобой
расходиться?

Дел по горло, и мамам,
как всегда, нас никак не понять...
Знаешь, мне это время
иногда, но ведь всё-таки снится:
я себе обещаю,
что брошу курить, — и опять.

НАСТРОЕНИЕ

Ничего не пройдёт,
снова кофе заварится в турке...
Дай бог памяти, турке
и дому примерно сто лет...

И остынет...
И кто-то
пройдёт за окном в переулке...
У тебя ощущение бывает,
что прошлого попросту нет?

Что оно и сейчас —
только выключи всё это разом —
в вечно-серой парадной,
и машет в окне фонарём...
И, сходяв за вином
в магазин, что, как выйдешь,
так сразу,
возвращается в этот
живущий давно с привиденьями
дом...

Далеко не уйдёт,
а заляжет опять в закоулке
и уснёт,
как измученный ленью
и старостью кот...
Я вчера на ремонт снёс
лудильщику старую турку,
думал — в мусор её,
ну а он мне сказал, что,
конечно, возьмёт.

УХОДЯЩИЕ БЕЗВОЗВРАТНО

Уходящие безвозвратно,
вы по-прежнему мной любимы.
Я храню все свои утраты
в отболевшей душе доньше.

Я как будто мудрей и строже
с этой памятью.
Вот мне снится
друг, который меня моложе,
я почти забываю лица...

Мы с ним оба как будто живы
здесь, на том или этом свете.
Там, вдали, в бесконечной ниве
он смеётся: не будет смерти!

Просто где-то меж жизней
длинных
знает путь он туда-обратно...
Просто всё ещё мы любимы
уходящими безвозвратно.

ЗАРОК

Зарекаюсь не от тюрьмы,
не от нищих своих дорог.
Зарекаюсь я от молвы,
самый сильный даю зарок...

Чтоб на кухнях и площадях,
мимоходом и невзначай,
где навязли слова в зубах,
кто-то имя моё молчал.

Тот, с кем жили мы бок о бок,
надоедливы и скучны.
С кем делил я судьбы паёк,
ничего не просив займа...

С кем, конечно, я был неправ —
он ведь тоже бывал хорош!
Не по нраву ему мой нрав
приходился порой, ну что ж...

То, что было для нас одних,
то, чего уж не сосчитать, —
пусть про это из нас двоих
каждый будет порой молчать.

Зарекаюсь я впредь и впрок,
будто вовсе его не знал.
Будто точно такой зарок
он однажды себе давал.

МАЭСТРО

Памяти Владимира Меховова

А Вы начинайте, маэстро, тихонько,
рассыпаны ноты, и осень забыла
мотив свой...

И холодно,
и одиноко...

Маэстро, Вы помните,
как это было?

А руки всё вспомнят,
Вы их положите,
и пальцы продолжают без нотной тетрадки.
Давайте, играйте!

Ну что Вы молчите?

Ну, может быть, с гамм мы начнём по порядку?

Ни звука,
ни вдоха
над старым роялем...

Но, кажется, слышно откуда-то сверху —
над этим лежащим под небом молчаньем
три первых аккорда повторены эхом...

Начало...

Один на один с тишиною

ты память стираешь

и с белой страницы

опять начинаешь, но только другое...

Играйте, маэстро,

должно получиться...